

Игорь Дорогобед

Леди Джейн

16+

Игорь Дорогобед

Леди Джейн

«ЛитРес: Самиздат»

2006

Дорогобед И.

Леди Джейн / И. Дорогобед — «ЛитРес: Самиздат», 2006

Возможен ли мир между Светом и тьмой - и на каких условиях? Найт - необычная страна, ее жители знают: Ночь Хранительница, создавшая их мир, - реальна. Здесь не требуют слепой веры, любой может обратиться к Ночи и получить ответ на свой вопрос, а воздаяние за проступок происходит немедленно и неотвратимо. И под рукой Ночи равны все: и простой фермер, и эмигрант-иноверец, и могущественная герцогиня леди Джейн, бессильная преступить ею же установленные законы, заверенные самой Ночью. Сюда на переговоры о мире едет посол соседней страны командор Питер Крэг. Следующие полтора дня изменят историю двух стран и жизнь самого посла.

Содержание

1	6
2	10
3	17
4	23
5	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Все описанные события, как и само место действия, являются вымышленными. Совпадения с именами и событиями английской истории и литературы являются случайными, но лишь отчасти. Читатель волен, истолковать их так, как ему будет угодно.

1

Еще не доехав до поворота, я услышал мерный перестук копыт, возвещающий о приближении встречного всадника. Судя по звуку, это был не скакун рыцаря, а скорее крестьянская лошадь: ее тяжелая мерная поступь трудяги гулко передавалась дороге. Встречный всадник достиг поворота быстрее меня, и я увидел его, ярко расцветенного лучами заходящего солнца. Скорее всего, он был фермером, причем фермером достаточно зажиточным. Несмотря на традиционное здешнее одеяние, он чем-то неуловимо отличался от местных жителей. Их насмешливые улыбки встречали меня у Траума, городка, где так бесславно закончилась наша война с герцогством Найт.

– Добрый вечер, сударь, – приветствовал я его, когда он достаточно приблизился ко мне. Всадник резко натянул поводья и недоуменно уставился на меня, видимо несколько озадаченный столь вежливым обращением.

– Всего доброго, вашей милости, – наконец ответил он, и выговор выдал его. В Найте говорят на том же языке, только все слова произносят предельно четко, почти резко. Его же речь звучала напевно, как в наших краях.

– Не подскажите ли мне, – продолжал я тем же тоном, – принимают ли сегодня в замке Найт?

По тому, как стремительно каменело лицо фермера, я понял, что вопрос мой ему более чем не понравился.

– Отчего же не принять? – тем не менее, ответил он. – Сегодня пятница, стало быть, принимают.

– Только вашей милости не повезло, – добавил он, как мне показалось, с ноткой злорадства, – сегодня всех посетителей принимает сама леди Джейн.

– Впрочем, – фермер искоса неодобрительно взглянул на меня, – если ваша милость принадлежит к друзьям его светлости...

– Я был представлен герцогине Найтской, когда она посещала столицу, – неизвестно зачем объяснил я.

– Тогда другое дело, – угрюмо пробормотал фермер, прислушиваясь к легкому перестуку копыт где-то за поворотом.

– А вот и сама ее светлость, легка на помине, – возбужденно проговорил он, прищипывая свою лошадь. Та, и без того беспокойно танцевавшая на месте, казалось, только ждала хозяйского сигнала и тут же, с неожиданной для ее сложения прытью, помчалась прочь.

Между тем всадница приближалась, и я уже мог разглядеть острые, как выражаются поэты «орлиные» черты ее лица, безусловно, принадлежащие герцогине Найтской. Одетая она была не в «амазонку» – женский костюм для верховой езды, – а в обычное мужское дорожное одеяние. Одним резким движением она заставила своего коня остановиться и вскинула в молчаливом приветствии правую руку. То была старинная привилегия правителей Найта: закрепленный законом жест дерзости по отношению к стоящим выше и одновременно знак благоволения к низшим. «Если вы относитесь к друзьям ее светлости», – вспомнил я глуховатый голос фермера. Ох, вряд ли...

– Доброго пути, ваша светлость, – приветствовал ее я по нашему обычаю.

– Вы знаете меня? – отрывисто произнесла леди Джейн – Ваше лицо мне кажется знакомым.

Она требовательно смотрела на меня, и я не считал возможным слишком лукавить.

– Питер Крэг к услугам вашей светлости. Меня представляли вам на последнем приеме по случаю дня рождения королевы Марии.

– Это была настоящая королева, не правда ли? – ее внимательные умные глаза без стеснения рассматривали меня.

– Истинная правда, ваша светлость, – я и в самом деле так думал.

– У вас дело ко мне, сэра Питер? – фраза прозвучала в равной мере вопросом и утверждением.

– И да, и нет, ваша светлость, – при всем желании я вряд ли смог бы ответить точнее.

– Интересно, – леди Джейн одарила меня неожиданным выразительно-женским взглядом. – Только не рассказывайте мне сейчас ничего. О делах поговорим в замке. А пока... добро пожаловать в Найт.

Она резко поворотила коня, и тот сходу взял такой темп, что я не сразу настиг герцогиню.

– Я чувствую, – произнесла леди Джейн, глядя на уже готовое скрыться за горизонтом солнце, – что вы не будете сегодня единственным гостем в замке. А жаль, (она помолчала, словно заставляя себя выговорить окончание фразы): мне бы не хотелось завтра заниматься правосудием.

Наверное, на лице моем вопреки моему желанию промелькнула тень удивления. И герцогиня заметила ее:

– Скажите, сэра Питер, много ли сплетен обо мне вам пришлось выслушать, прежде чем я подъехала к вам?

– Я только спросил у проезжего, принимают ли сегодня в замке, – проговорил я, стараясь, чтобы речь моя не выглядела попыткой оправдаться, – и он ответил мне, хотя и неохотно.

– Это фермер Джайлс, мой арендатор, – и тут я впервые увидел улыбку леди Джейн – страшное полыхание ночи. – Когда у него появляется хоть немного свободного времени, он разъезжает по округе и рассказывает всем, желающим его слушать, что я дочь Сатаны.

– И вы позволяете ему это?

– Что же в том плохого? – в голосе герцогини прозвучало искреннее удивление. – Он-то думал призвать моих людей к бунту, а вместо этого приучил их бояться меня. А, кроме того, жители Найта едва ли могут понять, что собой представляет ваш дьявол.

– Джайлс – хороший рассказчик, – добавила она мечтательно. – Слушая его, я и сама готова поверить, что являюсь исчадием ада.

– Джайлс? – повторно названное имя что-то напомнило мне. – Ваша светлость говорит о Джайлсе из Хема?

– Совершенно, верно, сэра Питер.

Теперь я вспомнил его историю. Сразу по окончании последней войны, на севере страны, наименее от нее пострадавшей, вспыхнул мятеж. Возглавлял его фермер из селения Хем, человек решительный и весьма красноречивый. В его выступлениях разумные претензии замысловато переплетались с абсурдными, и в двух словах его позицию можно было изложить так: недоволен всем. Например, он одновременно обвинял королеву Елизавету в том, что она начала ненужную войну, ослабившую страну, и тут же называл ее вероотступницей, заключившей перемирие с Найтом. Восстание, поначалу принявшие опасные размеры, было быстро подавлено, но вожак его бесследно исчез вместе с семьей.

– Вашей светлости известна история этого человека? – осторожно осведомился я.

– Разумеется, – холодно ответила леди Джейн, – но я почти никогда не отказываю изгнанникам. – Быть может, тот, кто не сумел стать человеком Днем, станет им в Ночи?

Я почтительно промолчал, опасаясь сказать неуместное слово. В сущности, я мало знал герцогиню: наше прежнее знакомство было вполне официальным. Хотя она довольно задержалась в нашей столице, я избегал встреч с ней. Тогда никто и предположить не мог, что правление королевы Марии уже на исходе. Напротив, казалось, ей предстоит долгое царствование. И залогом этого представлялась высокая женщина в красно-черном одеянии, чьи войска помогли королеве Марии одолеть мятежников. Потому леди Джейн была для меня символом страш-

ного настоящего. Я же более всего стремился заглянуть в грядущее, и потому особое внимание уделял младшей сестре герцогини славной резвой девочке по имени Энн. Тем не менее, леди Джейн запомнила меня. Почему?

За поворотом дорога разделилась. Правая ветвь, более ухоженная, поднималась в гору к замку. Левая, изрядно разбитая тяжело груженными телегами, уходила вдоль горы к довольно большому селению. Вероятно, оттуда и ехал фермер.

– Джайлс считает, что я виновна в гибели его семьи, – проследив за моим взглядом, сказала леди Джейн. – Он так и не понял, что никому не позволено безнаказанно задевать Силы Ночи. Потому что они всегда готовы напомнить о своем существовании, в отличие от множества других богов, придуманных людьми.

Я промолчал, вспомнив свой разговор накануне отъезда.

– То, что вы затеяли, друг мой, – сказал мне принц Кларенс, – есть чистой воды безумие.

– Отчего же?

– Будь на моем месте, отец Бенедикт, – улыбка на лице Кларенса была бледной, но голос звучал решительно, – вероятно бы ответил уместной цитатой из какой-нибудь мудрой книги. Но я скажу тебе просто (оставаясь один на один, мы всегда переходили на «ты»), есть в нашем мире вещи, постижение которых опасно, а потому не нужно.

– А, кроме того, – нарушил мои размышления низкий голос леди Джейн, – его сначала предупредили, но он не внял предупреждению.

Это было более чем странно: владетельная государыня, не признающая над собой никакой власти – ни божьей, ни королевской – как бы оправдывалась перед случайным гостем. И в чем? Или она все-таки догадалась? Но даже если догадалась, какой смысл – вот так объясняться со мной? Кто я ей?

– Джайлс оскорбил Человека Песка, – между тем монотонно продолжала леди Джейн, – а тот не понимает насмешек: у него нет чувства юмора.

– Точнее есть, – тут же пояснила она, и я вновь увидел полыхание ночи, – но весьма своеобразное.

Тем временем мы до половины одолели подъем. Солнце окончательно исчезло за горизонтом, и в резко наступивших густых сумерках слова герцогини прозвучали немного зловеще.

– Ваша светлость всегда путешествует в одиночестве? – желая сменить тему, осведомился я.

– Что может угрожать дочери дьявола? – не без вызова ответила леди Джейн, и снова невольно подумал, неужели этот вызов, как и прежнее объяснение, обращены к настоящему мне?

– Нет, не всегда, – между тем продолжала она уже вполне спокойным тоном, – иногда ко мне присоединяются мои друзья.

Разговор наш опять прервался, и некоторое время мы ехали молча: она целеустремленно смотрела вперед на дорогу, а я рассеяно разглядывал причудливые переплетения ветвей, свисающие на нашем пути.

Дорога еще раз повернула направо, и мы оказались прямо у внешних замковых ворот. На крепостной стене никого не было видно, тем не менее, при нашем появлении ворота без малейшего шума распахнулись как бы сами собой. Посреди широкого двора нас встретили несколько человек, одетых в цвета герцогини (красное на черном), и она молча, не останавливаясь, приветствовала их тем же жестом, каким встретила меня.

Мы въехали во внутренние ворота и оказались посреди широкой площади. Прямо перед нами горделиво возвышался замок Найт, слева от него довольно объемное строение, вероятно, казарма, справа же находился знаменитый Храм Ночи-Покровительницы, причудливое сооружение, напоминавшее дворцы, какие, каплю за каплей, лепят из мокрого песка дети. Леди

Джейн склонила голову перед Храмом и тихо прошептала что-то; в ее шелесте губ мне почудилось пожелание доброго вечера. И тут я вспомнил, что храмы, посвященные Ночи – единственные, в которых нет священнослужителей, по крайней мере, в привычном нам смысле этого слова.

К главному входу в замок вела широкая лестница, и на нижней ее ступеньке нас ожидала совсем еще юная девушка, одетая в черное с золотом. Масляные фонари освещали ее милое лицо, выдавая трудно уловимое, но все же несомненное сходство с герцогиней.

– Сэр Питер, – тоном дежурной любезности произнесла леди Джейн, – позвольте представить вам мою младшую сестру леди Энн, принцессу Миднайт.

Девушка безо всякого любопытства взглянула в мою сторону и тут же почтительно склонила голову. А я с облегчением подумал, что принцесса не узнала меня. Неудивительно: когда мы виделись в последний раз, она была всего лишь милым резвым ребенком.

– Миледи, – теперь ее взгляд устремился к хозяйке Найта, – я позволила себе в ваше отсутствие принять гостей. Сегодня у нас сэр Генри Уайтхауз с семьей и друзьями.

Лицо герцогини едва заметно дрогнуло. Она обернулась к Храму и опять что-то прошептала.

– Вы поступили правильно, леди Энн, – наконец ровно произнесла она. – Через час я жду моих гостей к ужину.

Затем она ласково улыбнулась мне:

– Сэр Питер, мы побеседуем после ужина. Вы же знаете, у нас в Найте ночь – лучшее время для общения.

– К сожалению, я плохо знаком с местными обычаями, ваша светлость.

– В таком случае у вас впереди много интересного, – лицо герцогини искрилось весельем, но смех ее был холоден как лед.

– Леди Энн, какие покои заняли Уайтхаузы? – тут спросила она.

– Багряные, миледи, – смиренно проговорила принцесса Миднайт.

– В таком случае, окажите любезность, поместите сэра Питера в Белых комнатах.

Распоряжение прозвучало буднично, но, тем не менее, юная принцесса слегка побледнела. Впрочем, старшая сестра вовсе не смотрела на нее. Она медленно уходила, и до меня донесся ее еле слышный шепот: "И это тоже падет на мою голову... ты слышишь: и это тоже"...

2

До ужина оставалось около пятнадцати минут, а я сидел посреди роскошных покоев и пытался решить, что мне делать далее. Точно исполняя распоряжение старшей сестры, леди Энн лично привела меня сюда. В какой-то момент мне показалось, что юная принцесса хотела что-то мне сообщить, но это видение тут же рассеялось. Она была гостеприимно-любезна, но не более того. И вот теперь я находился в этой ослепительно белой великолепно отделанной и освещенной комнате. В ту нашу последнюю встречу Кларенс, между прочим, сказал мне:

– Очень важно, какие тебе отведут гостевые покои. Если Багряные или Белые, считай свою миссию погубленной и помоги тебе...

Он споткнулся на полу фразе и смущенно посмотрел на меня.

– Ты бывал в Найте, Кларенс? – не скрывая удивления, спросил я.

– Да, – не сразу и неохотно признался он, – когда Елизавета проиграла войну, и мы вынуждены были согласиться на перемирие с этой заступницей Марии.

Похоже, главным грехом Кларенса была не снисходительность: даже сейчас через десять лет после смерти Марии, он не мог простить ей того, как она, законная наследница своего отца, стала королевой.

– И в каких комнатах ты жил?

– В Зеленых, – по-прежнему нервно ответил Кларенс. – В Белых жил Нокс, а Грей с семьей в Багряных.

– Джон Нокс? – наверное, голос таки выдал меня. – Которого герцогиня казнила прямо во Храме?

– Который сгорел прямо во Храме, – упрямо поправил меня Кларенс. – Ты просто не ощущаешь разницы...

Он обречено махнул рукой и замолчал. Некоторое время я ждал, не скажет ли он еще что-нибудь, но Кларенс лишь с беспомощным отчаянием смотрел в пламя, весело плясавшее в камине. Иногда его взгляд поднимался выше к полочке, на которой лежали три мешочка, напоминавшие кисеты. Это было несколько странно, поскольку принц никогда не курил.

– Объяснимся! – наконец не выдержал я. – Сначала ты говоришь, что не должен ехать в Найт, а потом возмущаешься тем, что я чего-то не понимаю.

Кларенс неохотно оторвался от созерцания огня и устало посмотрел на меня.

– Я не могу приказать тебе, да и никто не может, – тихо произнес он. – Ты делаешь вид, что выполняешь поручение ее величества, но я-то понимаю, кто на самом деле посылает тебя в Найт. И я всего лишь пытаюсь втолковать тебе, что ты неудачный посол, поскольку стремишься измерить чуждый мир здешнею меркой.

И тут я, каюсь, сорвался:

– А ты... ты, Кларенс, был хорошим послом?

– А я, – неожиданно твердо проговорил мой старинный друг, навеки опальный принц Кларенс, – я был только военнопленным, жалким военнопленным.

В дверь негромко, но настойчиво постучали, затем она приоткрылась, и в проеме показался один из слуг герцогини. Наши взгляды встретились, и я внезапно задался неуместным вопросом: где и когда я уже видел этого человека. Может в ту давнюю встречу в свите герцогини?

– Сэр Питер, – мне показалось, что он чуть помедлил, прежде чем произнести мое имя, – ее светлость приглашает вас к столу. Позвольте мне проводить вас.

Мы медленно шли по сумрачному коридору.

– Могу я узнать, – повинувшись внезапному порыву, спросил я, – в какой части замка находятся Зеленые покои?

– На нижнем этаже, – ничуть не удивляясь моему вопросу, на ходу ответил слуга. – Окна выходят прямо на площадь перед главным входом во Храм Ночи. Замечательный вид, особенно в дни казней.

Он остановился и, широко распахнув узорчатые двери, торжественным отработанным голосом провозгласил:

– Сэр Питер Крэг.

Комната, куда меня привели, не была столовой, скорее малой гостиной, где приглашенные дожидались выхода герцогини. Общество собралось уже в полном составе. Сам сэр Генри (я прежде встречал его при дворе королевы Марии), дочь с мужем, сын с женой, брат зятя, а также двое дальних родственников. Знакомясь с ними, я подумал, что, вряд ли, среди них есть настоящие «друзья ее светлости». Насколько, я знал, Уайтхаузы были честными сторонниками королевы Марии, как законной наследницы престола, немало сделавшими для ее восхождения, и потому после ее смерти были вынуждены спасти свою жизнь. Герцогиня Найт приняла их, как и всех прочих беженцев, хотя они и не были ее единоверцами. Более того, заключая перемирие с королевой Елизаветой, она добилась для всех изгнанников права пользоваться доходами с вынужденно покинутых имений. Теперь, после поражения, моя государыня, была вынуждена его принять, хотя именно эта претензия герцогини и послужила одной из причин войны с Найтом.

Но какое все это имело отношение к «дружбе»? «Другом герцогини» мог быть сэр Чарльз Стентон, один из двух дальних родственников: у него взгляд умного хищника. И, возможно, Мартин Кеплен, молодой человек, в поведении которого развязность странно сочеталась с неуверенностью. Похоже, что-то всерьез беспокоило его. Впрочем, кто может наверняка судить о том, как на самом деле выглядят истинные друзья герцогини Найт? Юная принцесса тоже была здесь и старательно поддерживала общую беседу, что удавалось ей, сколь могу судить, не без некоторого напряжения.

Противоположные двери распахнулись, словно от резкого толчка, и в комнату безо всякого доклада стремительно вошла хозяйка дома. Похоже, в этот момент ей было глубоко безразличны любые церемонии. Тем не менее, на ней было вечернее платье (все то же красное на черном), для небольших приемов в почти домашней обстановке. Создающее видимость парадной пышности, оно все же не стесняло порывистых движений герцогини.

– Господа, – ее голос звенел по-мальчишески отчаянно весело, – прошу всех к столу.

Быстрые глаза леди Джейн обнаружили меня в кучке шокированных столь несомненным нарушением этикета гостей:

– Сэр Питер, могу я попросить вас вести меня к столу?

И мне не оставалось, как почтительно, прижав правую руку к сердцу, склониться перед неслышанной милостью и при этом мучаться загадкой, означает ли это, что миссия моя раскрыта и меня ожидает участь несчастного твердолобого Джона Нокса? И как теперь узнать, что хотел сказать Кларенс своим тонким замечанием? Разве что на собственной шкуре. В одном он оказался, безусловно, прав: меня мало интересовали оттенки, пока я сам не оказался в замке Найт.

Рука герцогини невесомо легла поверх моей, а походка ее стала женственно-мягкая, и, казалось, она не имеет ничего общего с той лихой наездницей, которую я встретил по пути в замок. Выражение ее лица так же смягчилось, и я почувствовал, как мучительно ей хочется быть всего лишь любезной хозяйкой, радушно принимающей случайно завернувших на огонек гостей. И действительно: какие бы чувства ни испытывала герцогиня к своим незванным гостям, стол ее не уступал королевскому, а по изяществу убранства, пожалуй, и превосходил его.

Как ни странно, щедрость леди Джейн удручающе подействовала на гостей. Я заметил мимолетные встревоженные взгляды, коими они обменялись между собой. Один лишь Стентон чувствовал себя превосходно, хотя теперь я уже всерьез сомневался, относиться ли он действительно к друзьям герцогини. Оттенки, проклятые оттенки.

Сама герцогиня, напротив, держалась с милой непринужденностью, и даже теперь, после всего произошедшего, перед лицом Того, Кто направил меня к ней я готов свидетельствовать, что невозможно было, не зная, кто она, угадать силу, скрытую в ней. Впрочем, иное мучило меня в тот вечер: угадывает ли она меня?

– Сэр Питер, – услышал я дружелюбный голос Стентона, – вы часто бываете в Найте? Если вы здесь впервые, испросите у ее светлости разрешения войти во Храм.

– Боюсь, что вам этого не избежать, сэр Питер, – тут же отозвалась леди Джейн, а Чарльз Стентон понимающе улыбнулся. И улыбка эта совсем не понравилась мне.

– Простите мою прямоту, – вступил в беседу ничего не понявший сэр Генри Уайтхауз, – но, честное слово, в Полуденном королевстве вы не найдете ничего подобного.

– О да, – многозначительно подтвердила его племянница мисс Пиил, и я увидел, как Стентон исподтишка погрозил ей пальцем.

Весело трещал камин, как в тот день, когда я последний раз говорил с Кларенсом. Он вновь отвернулся к огню и, словно глотая слезы, произнес:

– Знаешь, чем кончится твое посольство? Ты обязательно влезешь не в свое дело, поднимешь против себя Силы Ночи и войдешь во Храм, как Нокс.

– Нокс был всего лишь человеком, чрезмерно о себе возомнившим, – отнюдь не восхищенный таким сравнением парировал я.

Кларенс обернулся: глаза его были жестки и сухи.

– Ты думаешь, перед лицом Ночи это имеет какое-либо значение? – изумленно осведомился он. И я замешкался с достойным ответом, погруженный в глубины его искреннего удивления.

– Ты слишком долго жил устранившись от всего темного, купаясь в лучах Света, – продолжал мой принц, не замечая, что говорит все громче и громче, – и теперь даже не представляешь, что значит погрузиться во Тьму. Одни, столкнувшись с Ночью, загораются мятежом и словно шальные мотыльки сгорают в пламени Тьмы. Другие, как им кажется, более благоразумные, стараются обойти Ночь стороной, но рано или поздно черный водоворот все равно затягивает их в середину.

– Ты хочешь сказать, что Найт – это бездна, с которой у нас не может быть ничего общего?

– Не должно быть ничего общего, – поправил меня Кларенс. – Можешь ли ты договориться с вольным ветром, управлять морским прибором или указывать луне, когда ей светить?

– Могу, – сгоряча выпалил я и уж потом сообразил, что имел в виду мой принц.

– Гордыни в тебе, – покачал головой Кларенс, – что сам Всевидящий не исправит.

– И что же нам делать? – раздраженно поинтересовался я. – Молить Всевидящего, чтобы он уничтожил Найт? Или самим дружно взяться за дело?

Мой принц лишь печально улыбнулся: из всех людей, похоже, лишь он один видел меня насквозь.

– Наш долг – не дать распространиться злу.

Тут бы мне и покинуть Кларенса, оставив его наедине с собственными печальными мыслями. Но меня обуревали простые и вполне человеческие чувства.

– И чтобы преуменьшить зло, ты пытался свергнуть законную королеву?

– Мария желала превратить нашу землю в еще один Найт, – в словах моего принца не было и тени сомнения.

– Она просто следовала вере своей матери, – кротко заметил я. – Можешь ли ты осуждать ее за это?

– Разве нам легче оттого, что Мария убивала нас, движимая искренней заботой о благе нашем? – Кларенс так посмотрел на меня, словно только что доказал мне нечто необыкновенное. Беда же заключалась в том, что не объяснил решительно ничего. Все мы оставались на прежних местах, и меж нами тлело синее пламя невидимой войны.

– Кларенс, – задал я последний абсолютно ненужный вопрос, – как же ты уцелел в Найте?

– Есть еще и третий путь: отступить, – глухо проговорил мой принц. – Я отступник, друг мой...

Вероятно, последнюю фразу Кларенса я негромко произнес вслух, потому что вдруг заметил внимательный взгляд мисс Пиил, сидевший напротив меня. В отличие от прочих гостей она почти не участвовала в общем разговоре, скорее наблюдала, но по ее лицу невозможно было судить, наверное, насколько увиденное нравится ей. Леди Джейн, увлеченная беседой со стариком Уайтхаузом, казалось, не заметила ничего.

– Честно говоря, – разгорячась, заявил сэр Генри, – мне по душе, что с нашими соседями вот-вот установятся полностью мирные отношения. И с позволения вашей светлости я хотел бы выпить за это.

Лицо юной принцессы побледнело, словно старый рыцарь позволил себе непристойную шутку в присутствии дам. Герцогиня, напротив, одобрительно улыбнулась и первой подняла бокал. Мисс Пиил последовала ее примеру и, потянувшись через стол ко мне, прошептала:

– За отступничество! Каждый из нас отступник пред самим собой.

Наши бокалы печально звякнули.

Застолье оборвалось весьма неожиданно. Герцогиня внезапно встала и, покинула гостей, сославшись на неотложные дела, кои нужно исполнить еще до полуночи. Гостям же она любезно предложила продолжать развлекаться без нее. Но едва леди Джейн покинула зал, как общий разговор расклеился, и гости стали расходиться. Первым исчез (никто потом и вспомнить не мог, как он вышел) Мартин Кеплен. Затем степенно удалились его старший брат с супругой, дочерью сэра Генри. Потом Стентон, на ходу завязавший какой-то казуистически нелепый спор с сэром Генри. За ними потянулись и все остальные. Последними шли я и мисс Пиил.

– Вы любите полнолуние, сэр Питер? – она лукаво улыбнулась мне, но тон голоса не соответствовал ее улыбке.

Я пожал плечами: там, откуда я прибыл, еще совсем недавно за подобный вопрос, равно как и за положительный ответ на него предавали казни, медленной и мучительной. Раздор входил тогда в каждый дом, и никому не удавалось удержаться на золотой середине. Не в человеческих это было силах.

– Правильно, не отвечайте, – усмехнулась мисс Пиил. – Я и сама знаю, что не любите. Хотя и не так, как иные наши соплеменники.

– Доброй ночи, мисс Пиил, – как бы завершая наш не состоявшийся разговор, произнес я.

– Доброй ночи, – дружелюбным эхом откликнулась она. Ни разочарования, ни малейшего оттенка недовольства в голосе. Будто и не было попытки поговорить о том, что пропастью бездонной лежит между Найтом и остальным миром. Любезный поклон, легкий поворот и вот она исчезла в сумраке галереи. А я смотрел ей вслед и думал: может, стоило все-таки поговорить с мисс Пиил начистоту. Или скажем, почти начистоту. Возможно, это и помогло бы исполнению моей миссии?.. Ах, эти проклятые, если бы да кабы, начиная с самого первого! Если бы Всевидящий не терзал перволюдей Изначальным Искушением, были бы их нынешние потомки счастливей и проще? Ведь Он-то, наверное, знал, – не выдержать им сего. Зачем же подверг бессмысленному соблазну главное творение свое и тем исковеркал его?

А зачем я задаюсь этими не имеющими ответа "почему"? Кто я такой, чтобы осуждать Его? А почему, собственно говоря, нет? Разве, хотя бы в качестве творения Его, я не имею на это право?

Стоп, куда это я забрел? Оказалось, ведомый своими крамольными мыслями я медленно брел вслед за мисс Пиил и теперь очутился перед покоями, в которых разместилось семейство Уайтхауз.

– А я еще раз повторяю Вам, сэр Генри, – донесся до меня из-за приоткрытой двери голос Чарльза Стентона, – деньги, без сомнения взял Мартин. Мне неприятно говорить вам это, но от фактов не скроешься. Он первым покинул обеденный зал, а теперь нет ни его, ни денег. А перед ужином все 500 талеров лежали на месте.

– Но, – попытался возразить сэр Генри, но Стентон не предоставил ему такой возможности.

– Не существует никаких "но", – гремел он. – Вы лишь однажды бывали в замке, а я заезжал сюда неоднократно и хорошо знаю здешние порядки. Никто из слуг герцогини даже во сне не посмеет похитить ни единого талера. Только неопытный мальчишка со сквозняком в голове мог вообразить, что можно украсть такую сумму и безнаказанно покинуть замок.

– И потом я уже предупреждал вас, что парень наделал глупых долгов и приближается срок расплаты, а вы даже не захотели толком выслушать меня.

– Но Мартин все начисто отрицал, – пролепетал старый рыцарь, – и казался таким искренним...

– Врать с честным взором – не самое большое искусство, – холодно заметил Стентон.

– Гордон, почему ты молчишь? – обратился сэр Генри к сыну. – Ты тоже так думаешь?

– В самом деле, Гордон? – иронично подхватил Стентон.

– Отец, ты знаешь, как я люблю Мартина, – негромко заговорил младший Уайтхауз, – куда больше, чем свою родную сестру...

– Спасибо на добром слове, – ехидно вставила миссис Кеплен.

Однако оставил без внимания ее реплику.

– Но в этом случае, похоже, что Стентон прав. Я тоже знал о долгах Мартина: он задолжал тому, кто не знает пощады. А срок истекает завтра.

– И ты знаешь, куда он направился?

– Куда бы он ни направился, из замка ему не уйти, – холодно провозгласил Стентон. – Его, несомненно, задержат, но если мы не предъявим ему никаких претензий, то происшествие можно будет замять.

Сэр Генри испустил протяжный вздох облегчения, а я в этот самый миг заметил, что в коридоре находится еще один весьма заинтересованный слушатель. В отличие от меня юная принцесса не только слушала, но и старалась увидеть происходящее в гостевых покоях и потому вовсе не замечала меня. Последнее высказывание видно задело леди Энн за живое, и она решила показать гостям.

– Прошу прощения за невольное вмешательство, – принцесса говорила подчеркнуто вежливо, но мне на миг показалось, что она испытывает удовольствие от всеобщего замешательства, – но, полагаю, такого рода проступок не может быть оставлен без внимания.

К моему удивлению первым нашелся сэр Генри, и реакция его была вполне уместной.

– Потеря 500 найтских талеров не разорит меня, миледи, – с достоинством возразил он. – Что касается внимания, то мы непременно окажем его Мартину в кругу нашей семьи.

– Кража не может быть внутрисемейным делом, – леди Энн не повышала тона, но голос ее уже заледенел.

– Однако закон позволяет нам пойти таким путем, ваша светлость, – неожиданно мягко напомнил ей Стентон.

– Вы все лишь друг семьи, мистер Стентон, – отрезала леди Энн, – и не имеете голоса в данном деле.

– Семья согласна с мистером Стентоном, – вдруг заговорил до сих пор молчавший Роберт Кеплен.

– В вашей согласии я несколько не сомневалась, – отмахнулась юная принцесса. По ее лицу скользнула презрительная улыбка, и на какие-то мгновения она перестала быть милой приветливой девушкой; сейчас она скорее напоминала маленького зверька, у которого более крупные хищники отнимают добычу.

– Мы все согласны с мистером Стентоном, – твердо заявил сэр Генри.

Леди Энн отступила на шаг назад, и я вжался в стену, опасаясь, что она заметит меня.

– Ну что ж, – прошипела она, – по крайней мере, я помню свой долг.

Черное с золотом платье мелькнуло в коридоре и исчезло в его глубинах.

– Что она имела в виду? – ни к кому конкретно не обращаясь, спросила миссис Кеплен.

– Любой житель Найта, узнавший о преступлении, имеет право подать жалобу герцогине вне зависимости от желания пострадавших, – хмуро пояснил Стентон.

– Неужели она сделает это? – тихо спросила мисс Пиил. И тут же ответила сама себе:

– Непременно сделает.

Далее прислушиваться к этому разговору мне не хотелось, и я, так ни кем незамеченный, бесшумно отступил в сад. Сад герцогини Найтской представлял собой чудовищное смешение изысканной ухоженности и небрежной запущенности. Аккуратные дорожки и маленькие клумбы беспечно соседствовали с буйными зарослями ежевики и терновника. При этом и то, и другое содержалось в определенных рамках и не преступало своих границ.

Справа от меня мелькнула широкая тень, и я услышал приглушенное:

– Добрый вечер, ваша милость.

В лунном свете лицо фермера выглядело более жестким, как бы окаменевшим, но, тем не менее, я сразу узнал его.

– Как вы здесь оказались, мистер Джайлс?

– Как вижу, ее светлость уже замолвила обо мне доброе слово, – его лицо растянулось в кривой усмешке, коей он тщетно пытался придать сколь-нибудь дружелюбный вид.

Фермер сделал шаг мне навстречу и лишь тогда ответил на мой вопрос:

– Не только друзья ее светлости умеют проникать сквозь стены.

Как ни странно, казалось, сие утверждение, я принял его просто как факт. Смущало лишь то, что Джайлс родом не из Найта. Хотя мало ли чему можно выучиться, долго живя Ночном герцогстве?

– Я хотел потолковать с вашей милостью, – бесцеремонно перебил он мои размышления. – Судя по всему, в замке намечается очередное жертвоприношение.

Это смешение культурных оборотов с простонародностью речи позабавило меня, и я невольно улыбнулся.

– Ваша милость напрасно потешается, – обиженно протянул фермер. – Это – случится уже скоро.

Я открыл, было, рот, чтобы объясниться, но Джайлс иначе истолковал мой порыв.

– О собственной персоне вам беспокоится нечего, – холодно сообщил он. – Ваша милость не из тех, кого отдают на заклятие.

– Потому-то я к вам и пришел, – добавил фермер и застыл в выжидательном молчании.

Я не отвечал ни слова; уже понимая, чему клонится разговор, хотел заставить собеседника высказаться начистоту. И фермер не заставил себя ждать.

– Остановите герцогиню, ваша милость, – без околичностей заявил Джайлс. – Сейчас только вы можете это сделать.

Его слова дышали убежденностью. Ох, если бы я сам был столь же уверен в собственных силах.

– Я иностранец, друг мой, – тихо ответил я, – и не должен вмешиваться в дела этой страны.

Глаза фермера вспыхнули, словно крупные ближние звезды:

– Да, я знаю: у вас иная миссия. Только иногда малые дела важнее великих.

Он безжалостно наступил на мою любимую мозоль, и я сорвался:

– Что же, мистер Джайлс, я, по-вашему, должен сделать? Убить леди Джейн?

– Что вы, Всевидящий с вами! – в глазах фермера светился искренний испуг. – Всего лишь «увести в туман».

По тому, как неловко выговорил фермер это главное слово, полной уверенности в моих способностях у него не было. Тем не менее, я не мог не отдать должное его сообразительности: из мимолетной оговорки моей при первой нашей встрече, он сделал далеко идущие выводы. В самом деле: почему бы ни предположить, что благородный господин, которого при королевском дворе представили владетельной государыне, скорее всего обладает высокой степенью магического посвящения и умеет насыщать «туман», в котором человек напрочь теряет свой разум и становится существом абсолютно безвольным и решительно ни на что не способным. И тогда новой государыней становится леди Энн, кроткая и милосердная дочь веры истинной. Она же, скорее всего, попытается распространить веру свою на все государство. Дальнейший ход событий можно представить... Когда-то (сколько воды с тех пор утекло?) я и сам мечтал о подобном и потому мог теперь понять Джайлса. Но не согласиться с ним.

– Мистер Джайлс, – усилием воли я заставил свой голос звучать предельно жестко, – даже если бы я и мог совершить то, чего вы от меня ждете, то, наверное, не стал бы этого делать. Разве не знаете, вы, что подобное покушение на душу человеческую приравнено к убийству?

Фермер в замешательстве воззрился на меня.

– А как же невинная жертва? – едва мог выговорить он.

– Жертвы всегда невинны, друг мой.

Лицо фермера потемнело, словно от удара.

– Я ошибся в вас, ваша милость, – яростно проговорил он. – Мне показалось, от вас исходит иной свет. Но мне всего лишь показалось...

– И не назовите врагом друга своего, если не уподобляется он тебе в каждой малости, – только и мог сказать я.

Фермер в гневе отпрянул к зарослям терновника.

– И не произносите слово истины для сокрытия ложных дел ваших, – донеслось из темноты, и больше я не услышал ни звука. Джайлс исчез, словно никто и не говорил со мной.

3

Позади меня хрустнула ветка. Это могла быть всего лишь одна из сторожевых собак герцогини, которых я видел во внешнем дворе. Но возможно кто-то подслушал мой разговор с Джайлсом, и остается лишь гадать, как скоро леди Джейн узнает о нем и какие выводы сделает. Однако мне почему-то было все равно. Медленно брел я по аллее, ведущей к правому боковому входу в замок, и остановился, лишь услышав торжественно-гневный голос леди Энн:

– Ваша светлость, я прошу правосудия!

– Я принимаю вашу просьбу, – эхом отозвался холодно-величественный голос герцогини.

И тут же я услышал торопливый шепот:

– Энн, зачем вы затеяли все это? Вы давно не любовались казнью? Ведь вина этого безрассудного мальчишки очевидна...

– Возможно ли это, ваша светлость? – несколько не сдерживаясь, закричала в ответ принцесса Миднайт. – Вы, чья обязанность вершить правосудие в государстве, знаете о преступлении и намерены не замечать его?

– До сих пор никто не обращался ко мне за правосудием, – жестко парировала леди Джейн. – А я не считаю возможным вмешиваться в приватные дела моих гостей.

– Кража не может быть частным делом, – воскликнула младшая, и в этот миг я, если бы мог, возненавидел бы ее.

Сделав несколько шагов вперед, я продвинулся к концу аллеи и теперь мог видеть скорбное лицо владелицы Найта. Еще мгновение назад, она видимо пыталась найти верные слова, которые остановили бы юную принцессу, но теперь эта надежда оставила ее. И лицо герцогини исполнилось каменной печали, какую можно видеть на ликах наших храмовых мадонн.

– Вы настаиваете на своем прощении, сестра? – протокольным тоном осведомилась она.

– Да, миледи, – твердо ответила принцесса Миднайт.

– В таком случае должна вам напомнить, что, как обвинитель, вы обязаны участвовать в исполнении обряда правосудия от начала до конца.

Тень, мелькнувшая по лицу леди Энн, отчетливо свидетельствовала, что такой оборот дела несколько не устраивает ее; разумеется, она знала закон, но, как часто бывает, до сих пор не прилагала его к себе. Но и отступить она тоже не собиралась.

– Да, миледи, – еще раз повторила принцесса Миднайт, смиренно склонив голову.

Некоторое время сестры молча стояли друг против друга. Затем старшая двинулась навстречу младшей. Это было дивное зрелище: леди Джейн не шла, а как бы плыла над землей. Приблизившись к юной принцессе, она отчетливо произнесла, почти не разжимая губ:

– Светлый Бог ваш тоже требует крови, сестрица.

Тонкие брови леди Энн стремительно взлетели вверх:

– Должна ли я выслушивать это от вас, миледи?!

– Я, по крайней мере, не лгу! – герцогиня стремительно отвернулась и поплыла прочь. Лишь взлетев по ступеням к самой двери, она полуобернулась и, глядя не на сестру, но на меня, во тьме скрытого, повелительно произнесла:

– Если увидите сэра Питера, попросите его подняться ко мне в кабинет.

Принцесса немного постояла как бы в задумчивости, а потом двинулась вслед за сестрой. Я живо представил себе, что она немедленно, как простая служанка, отправится в отведенные мне покои, чтобы передать приказное приглашение сестры, и мне стало немного жаль ее.

– Доброй ночи, миледи, – проговорил я, несколько торопливо следуя за ней.

Леди Энн мило улыбнулась мне:

– Как хорошо, что я встретила вас, сэр Питер. Леди Джейн изъявила желание видеть вас в своем кабинете.

Я почтительно склонился. Принцесса сочла свою миссию исполненной, но я осторожным жестом остановил ее.

– Прошу прощения, миледи, не мне – чужестранцу – вмешиваться в здешние дела, но... – я запнулся, затрудняясь изъяснить суть моих сомнений

Принцесса вопросительно смотрела на меня.

– Но мне представляется, миледи, вы чрезмерно суровы к младшему Кеплену, – наконец выговорил я.

Лицо леди Энн стремительно обрело черты несправедливо обиженного ребенка.

– Как сэр Питер, – дрожащим голосом проговорила она, – и вы, даже вы, не понимаете меня? Как можно?

Я с ужасом глядел в ее невинное, готовое пролиться слезами лицо.

– Конечно для здешних мест 500 найтских талеров – деньги немалые, а для нашего Полуденного королевства и вовсе целое состояние. Но все же они не столь велики, чтобы предать мучительной казни человека, похитившего их у отца в минуту душевной слабости?

Лицо леди Энн постепенно наливалось уже знакомыми мне чертами праведной жестокости. Но я старательно не замечал этого.

– Не лучше ль было, миледи, предоставить самой семье наказание сбившегося с верного пути юноши? Тем более что законы Найта позволяют такое?..

– Нет! – принцесса Миднайт, наконец, обрела голос. – Это – было бы непростительной снисходительностью с нашей стороны.

– Мы должны всегда следовать путем Всевидящего, – разгорячась, продолжала она. – Разве не лишил Он природного бессмертия перволюдей, преступивших запрет его всего лишь из любопытства, свойственного созданиям неопытным и юным? Неужто посмеете вы обвинить Его в жестокости?

– Если бы вы знали, миледи, как часто он потом сожалел об этом, – еле слышно произнес я. – Прежде все было так ясно и светло...

Разумеется, мне не стоило произносить подобное вслух. И не потому, что я практически выдал себя. Просто зерно истины не смеет прорасти в почве невозделанной.

На юную принцессу было больно смотреть: она уподобилась иному примеру наказания свыше. Словно соляной столб застыла леди Энн. И лишь гневно оскаленный рот выдавал обуравшие ее чувства.

– Вы лжете, сэр П-Питер, – сделав усилие, выдохнула она, – лжете, прикрываясь именем Всевидящего...

– Сейчас, к сожалению, нет, – столь же тихо ответил я. – Хотя кто из нас однажды не делал этого, утешая себя тем, что грешит во славу Его?

– Да, мы несовершенны и ошибаемся, – пылко возразила леди Энн, – но как смеете вы, откуда бы вы ни пришли, уподоблять Его нам?

Расплата за собственную неосторожность уже настигала меня, и я почел за благо более не испытывать судьбу и смиренно молчал. Принцесса Миднайт увидела в сем знак моего поражения.

– Хотите вы или нет, но вам придется узреть торжество истины, – ломким голосом произнесла она.

– А вам, миледи, придется исполнить этот обряд, – вновь не сдержался я. Тогда я еще не понимал, о чем говорю. Но юная принцесса уже решила для себя все:

– Я смиренно снесу эту муку.

Леди Энн стояла предо мной, величественная и простая. Черты ее лица совершенно разгладились и, казалось, что это именно ее через несколько часов предадут мучительной казни. Но вот иная тень пробежала по лицу принцессы.

– Не смею более задерживать вас, сэра, – чопорно произнесла она. – Моя сестра давно уже ждет вас.

Она стремительно удалялась, шурша вечерним платьем, а я растеряно смотрел ей вслед. Вот еще один потерянный союзник. Наверное, Кларенс все-таки прав: я действительно плохой дипломат и не имею верного взгляда на события.

В гневе леди Энн позабыла мне указать путь к покоям герцогини, и я был вынужден спросить об этом первого встречного слугу. Тот, не высказав ни малейшего удивления, проводил меня. В боковой галерее я увидел сэра Генри Уайтхауза. Рядом с ним возвышался полный невозмутимой солидностью его зять Роберт Кеплен, старший брат обвиняемого. А где-то на заднем плане суетливо мельтешило лицо юного Гордона Уайтхауза. Сэр Генри явно догадался, куда я иду, и умоляюще посмотрел на меня. Я сделал вид, что не понимаю его.

Слуга остановился у высоких двустворчатых дверей, осторожно проскользнул внутрь, а затем торжественно распахнул их предо мной. Герцогиня стояла посреди комнаты, облаченная во все то же вечернее одеяние. Изменилось лишь выражение лица. Исчезло напряжение, оно стало более открытым и естественным.

– Ну вот, теперь вы можете поведать мне, что привело вас в Найт, – в ее голосе звучало столько чисто женского любопытства, словно она была простой смертной, а не владычицей сильного независимого государства.

Я слегка помедлил с ответом.

– Я припоминаю теперь, сэра Питер, – как ни в чем не бывало, продолжала леди Джейн, – что нас действительно представили друг другу на праздновании дня рождения королевы Марии.

– Правда были вы тогда не слишком многословны, – с легким смешком добавила она.

Что, правда, то, правда: более всего в нашу первую встречу меня заботило опасение оказаться узанным. При дворе королевы Марии находилось достаточно недоброжелателей моих, пусть и не знавших правды, но о многом догадывавшихся. До сих пор не понимаю, отчего никто из них не отважился, поделится своими подозрениями с герцогиней? Или всех их столь поразило могущество союзницы, с помощью которой победила их повелительница, что они впредь опасались лишней раз соприкоснуться с ней?.. Впрочем, тогда подобное откровение не могло повредить мне, разве что сделало бы мою нынешнюю миссию невозможной... Кто знает...

А королева Мария скорей всего подозревала истину обо мне, но терпела меня, как неизбывное зло, поскольку я не боролся с ней.

– И сегодня вы не менее молчаливы, – напомнила о себе леди Джейн.

– Многие говорили мне о Найте, ваша светлость, – медленно начал. – Слова одних были наполнены ужасом, иных – восхищением. Но я не привык доверять чужим суждениям, хочу составить собственное мнение.

– Вы желаете проникнуть в суть Ночи? – странным тоном осведомилась леди Джейн.

Фраза прозвучала как вызов, и я предпочел уклониться от него.

– Едва ли это по силам мне, ваша светлость, я хотел бы всего лишь заглянуть в ее лицо.

– Похвальное любопытство, – герцогиня слегка качнула головой, – но я полагаю, у вас личное дело ко мне. Или даже не совсем личное?

Пора было вручать верительные грамоты и приступать к исполнению непростой моей миссии, но я, дрянной посол, каюсь, забыл в этот миг о важном поручении, данном мне свыше. Судьба несчастного любимца семейства Уайтхауз стояла на кону, а я даже представить себе не мог, как восприняла бы леди Джейн мое вмешательство, знай она, кто я на самом деле. И почему сюда не послали премудрого отца Бенедикта? Он, конечно, сумел бы отгородиться точными философскими формулами от повседневных превратностей бытия. И потому исполнил бы поручение в точности.

– Такова моя основная цель путешествия, – сколь можно почтительно произнес я.

– Но все же есть еще что-то? – цепко заметила леди Джейн.

– Есть, ваша светлость, – согласился я, – но мне бы не хотелось говорить об этом сейчас, в ночи.

– Неужели вы боитесь, сэр Питер? – она не верила мне и была совершенно права.

– Я опасюсь оказаться недостаточно убедительным, ваша светлость.

– Иногда я сама бываю не слишком убедительна, – мрачно заметила герцогиня. Она повернулась к узкому высокому окну и, казалось, потеряла ко мне всякий интерес. Взгляд ее что-то жадно выискивал на ярко освещенном дворе. Я же судорожно размышлял, не означает ли все это конец аудиенции.

– Завтра полнолуние, – негромко, ни к кому не обращаясь, проговорила леди Джейн. – Наверное, это будет очень красиво.

Затем ее взгляд оторвался от окна, голова медленно повернулась, и темные ее глаза впились в мое лицо.

– Вас не слишком жаловали при дворе королевы Марии, сэр Питер?

– Отчего же, ваша светлость? Я ведь не участвовал в мятеже принца Кларенса, а государыня простила даже его.

– Именно поэтому, – возразила герцогиня. – Всегда приятнее иметь дело с врагом, цели которого ясны.

– У меня нет иной цели, как жить по заветам Всевидящего и помогать другим, следовать тем же путем. Все прочее от...

– От Ночи, – с улыбкой перебила меня леди Джейн. – Вы это хотели сказать, сэр Питер?

– У меня недостаточно знаний для вынесения подобного вердикта, – отклонил я подсказку. – Для того я и приехал, чтобы...

Шум во дворе заглушил окончание моей несколько высокопарной фразы. Глаза герцогини метнулись к окну, и лицо ее как-то сразу потемнело.

– Хорошо, об этом мы побеседуем позже, – отрывисто произнесла леди Джейн. – А сейчас ответьте мне, о чем вы говорили после ужина в саду с фермером Джалсом?

– Ну, говорите же быстрее, пока их не привели сюда, – торопливо добавила она, и я, наконец, обрел голос.

– Джайлс просил меня повлиять на вас, ваша светлость, чтобы спасти молодого Кеплена, – это полу признание далось мне с большим трудом.

– Повлиять на меня?.. – изумленно повторила герцогиня. – В таком случае он знает о вас нечто, чего не знаю я. А вы уверяли меня, что незнакомы с Джайлсом.

– Я действительно только сегодня познакомился с ним, ваша светлость, – надеюсь, я не выглядел, точно проштрафившийся школяр. – Просто ему очень хотелось спасти молодого человека...

– Спасти преступника от заслуженного наказания, – мне показалось, что вижу перед собой «кроткую» леди Энн.

– А разве вина его доказана, ваша светлость? – вопрос мой остался без ответа.

Двери приоткрылись, и в покои осторожно проник офицер замковой стражи. Герцогиня приветствовала его царственным жестом.

– Ваша светлость, – почтительно склонился тот, – стража задержала двух посторонних, пытавшихся покинуть крепость через служебные ворота.

– Не через гостевые? – уточнила леди Джейн.

– Через служебные, – твердо повторил офицер.

– Что скажете, Джайлс? – холодно осведомилась герцогиня; Мартина Кеплена она старательно не замечала вовсе.

– А что зря рассуждать, ваша светлость, – хмуро отозвался фермер. – Пятница еще не закончилась.

– Верно: у вас еще полчаса, – жестко усмехнулась леди Джейн. Ее глаза метнулись и застыли на лице офицера:

– Отпустите его.

– Но ваша светлость, – лицо начальника стражи покраснело, словно от пощечины.

– Повинуйтесь, – отрезала герцогиня. – Сегодня – Гостевая Пятница, и любой гость имеет право входа и выхода в замок через любые ворота.

– Похоже, мой арендатор знает законы лучше, чем офицер стражи, – досадливо пробормотала она в сторону.

Стражники отпустили Джайлса, однако фермер не спешил удалиться. Темные глаза герцогини споткнулись об его лицо и застыли в недоумении.

– Ваша светлость, – рослый фермер грузно опустился на колени; я видел, что сия поза смирения далась ему с большим трудом, – пощадите мистера Кеплена.

– Встаньте, Джайлс, – медленно проговорила леди Джейн, – встаньте и не говорите глупостей. Вы же знаете, после того как мне официально подана жалоба, я ничего не могу сделать. Сейчас придет обвинитель, и мы начнем дознание.

Она нервно трянула небольшой колокольчик, и он отозвался пронзительным криком, на звук которого явился тот самый слуга, что прежде сопровождал меня в приемный зал.

– Ланс, пригласите миледи; она определенно еще не спит, – не глядя на него, распорядилась леди Джейн.

Ланс... ну конечно... как я вообще мог забыть его? Память человеческая слаба и охотно предает забвению неприятное.

– Миледи... – тихо повторил фермер, но никто не обратил на это внимания.

Стража у дверей расступилась, уступая дорогу принцессе Миднайт. Она шагнула вперед, и из-за ее спины выплыло расстроенное, но полное надежды лицо сэра Генри.

Герцогиня окинула сестру долгим проникающим взглядом, словно желала навеки приковать к месту, где та находилась.

– Итак, миледи, готовы ли вы перед лицом Ночи подтвердить свое обвинение?

– Да, ваша светлость, – голос леди Энн не дрогнул. – Я обвиняю Мартина Кеплена в похищении 500 найтских талеров у сэра Генри Уайтхауза. Обвиняю и требую самого сурового наказания, какое предусматривают законы герцогства Найт.

Даже виды выдавшие замковые стражи замерли в наивном изумлении. Сэр Генри весь как-то смялся, сразу стал значительно меньше ростом и представлял теперь жалкую пародию на самого себя. Джайлс тихо застонал и прикрыл лицо руками.

– Готовы ли вы, миледи, – продолжала герцогиня, не обращая на общее смятение ни малейшего внимания, – надлежащим образом исполнить весь обряд до конца.

– Да, ваша светлость, – эхом откликнулась леди Энн.

И вновь пала неживая тишина, и никто не решался или не умел нарушить ее.

Первым ожил неукротимый фермер:

– Ваша светлость, пощадите его, он же...

Внезапно Джайлс замолчал, словно споткнувшись о взгляд Мартина Кеплена, устремленный на него. В этом взоре читалось этакое кроткое безумие. Отец Бенедикт, без сомнения, назвал бы сей взгляд благостным.

– Уходите, Джайлс, пока это возможно, – сдавлено произнесла герцогиня. – Здесь и без вас достаточно жертв.

Фермер без возражений повиновался. Проходя мимо меня, он пробормотал странную, на мой взгляд, фразу:

– Теперь все бесцельно.

– Желаете ли вы, миледи, – как ни в чем не бывало, спросила герцогиня – немедленно приступить к рассмотрению дела?

Леди Энн окинула присутствующим торжествующим взглядом:

– О нет, я не хочу пользоваться преимуществами Ночи. Пусть все свершится при свете дня.

Стража тут же увела обвиняемого. Следом за ними исчезла в коридоре и леди Энн. Лишь сэр Генри топтался у дверей, не решаясь ни обратиться к герцогине, ни безмолвно уйти.

– Прошу прощения, ваша светлость, – ворвался я в этот заколдованный круг, – разве у молодого Кеплена нашли украденные деньги?

– Это не существенно, – не задумываясь, ответила леди Джейн, – все решится в суде.

За моей спиной послышался сдавленный стон отчаяния и быстрые удаляющиеся шаги. Сэр Генри сделал свой выбор. Я решил последовать его примеру.

– Сэр Питер, – остановил меня ровный голос герцогини, – а теперь вы готовы говорить со мной о деле?

– Ваша светлость, леди Энн приняла мудрое решение: предоставим все свету дня, – ответил я, кланяясь.

В сей миг мной владело более чем человеческое желание – удалиться в отведенные мне покои и забыться сном, но непослушные ноги мои вновь потащили меня в сторону сада.

– Сэр Питер, – негромко окликнул меня мягкий голос. И это было уже слишком.

– Не утруждайте себя дальнейшим, мисс Пиил, – едва удерживаясь в рамках приличий, выговорил я. – Неужели вы не видите, что я не могу повлиять на решение герцогини, не преступив ваших и наших законов?

– Я совсем не это имела в виду, – большие глаза мисс Пиил потеряно уставились на меня. – Я только хотела предупредить вас, что знаю, кто вы на самом деле.

Хоть я и был сражен, надеюсь, лицо мое не выражало ничего. Эта девушка не могла знать моей тайны. Никто из родных ее не принадлежал к кругу посвященных, а сама она покинула родину слишком юной. Если только... но нет, такое попросту невозможно.

– Я никому не скажу, – быстро продолжала она, словно спеша выговориться, – только я думаю, сэр, вы напрасно скрываете это от леди Джейн. Ведь ее сестра сразу узнала вас.

– Она не могла меня узнать, она была слишком мала, когда... – слова мои звучали неосторожным признанием. Но какое это имело значение: все равно тайне моей не пережить завтрашнего дня.

– У ночных отличная память, – усмехнулась мисс Пиил, но улыбка ее почему-то была горькой.

И душа моя вновь исполнилась мучительной боли: для молодой женщины, как и для ее дяди, Ночная страна стала родным домом. Чего же в таком случае стоит весь наш светлый мир?..

Впрочем, мне сейчас совсем не хотелось вникать в тонкости и оттенки, я жаждал одного: удалиться в свою комнату и скрыться в спасительном сне.

– Чего вы добиваетесь от меня? – недипломатично осведомился я.

– Ничего, – в ее простодушное изумление почти невозможно было не верить. – Я не знаю, с чем вы приехали в Найт, но желаю успеха вашей миссии.

– Даже если я пришел зажечь новый пожар? – неуклюже сыронизировал я.

– Вы не сделаете ничего дурного, – спокойно возразила мисс Пиил. – Иначе вы бы приняли предложение Джайлса.

Был ли я сам так же уверен в этом?

– Вы ведь многое можете, если решитесь преступить наши и ваши законы, не правда ли? – я лишь молча склонил голову в ответ.

– Доброго вам утра, сэр Питер, – четко произнесла мисс Пиил и исчезла прежде, чем я успел ответить ей.

4

Во сне моем у Него не было белых свободно ниспадающих одежд, в коих Его охотно изображают наши церковные живописцы. Традиционная окладистая борода также отсутствовала. Он сиял гладко выбритым подбородком и вообще выглядел крепким мужчиной около сорока. Впрочем, что значит возраст для Него, существующего извечно?

– Что смущает тебя? – безо всяких предисловий обратился ко мне Он.

– Сам я смущаю себя, – неохотно признался я. Говорить об этом мне не хотелось, но как промолчать перед лицом Его?

– Ты теряешь веру в себя? – обеспокоено-заботливо осведомился Он.

– О, нет, – вопреки желанию моему усмешка вышла несколько раздраженной. – я лишь сомневаюсь в своей правоте.

– Это плохо? – неудоуменно спросил Знающий Все Ответы.

– Это трудно, – ответил я.

– Разве предлагал я тебе когда-либо легкие пути? – не хотел видеть Всевидящий.

– Но я всегда чувствовал за своей спиной стену истины Твоей. А теперь она тает...

– Неужто настолько ослабла вера твоя? – хитро прищурился Он.

«Не вера, но чувство, дающее мне силу быть судьей другим,» – чуть не закричал я, но губы мои не разомкнулись, а когда разомкнулись, оттуда вылетело другое:

– Почему пришел Ты ко мне среди ночи, когда в полной силе своей властвует Тьма?

– Потому что путь мой проложен сквозь Тьму и, как и сквозь Свет.

– И как же тогда отличить мне одно от другого? – уж совсем жалко возопил я.

– А как это делаю я? – швырнул Он мне встречный вопрос.

– Ты всевидящ, а я... – искал я оправдание собственной слабости.

– Всевидящ?... – нехорошо улыбнулся Он. – А может быть, еще и непогрешим?

Он, как всегда, провоцировал меня, и я, как случалось и прежде, уже готов был попасться на все ту же старую уловку. Но удержался у самой черты.

– Спроси лучше об этом у отца Бенедикта: он более силен в теологии, – огрызнулся я. Поступок в высшей степени непочтительный, но как мог я поступить иначе? Как можно не дать Ему возможности выбрать: либо покарать меня за дерзость, либо заговорить со мной по-человечески, без снисходительной улыбки стоящего над схваткой. Или это всего лишь выдумка нашей церкви, что созданы мы подобными Ему?

– Или ты думаешь, что имею Я опору вне Меня самого? – не обратил Он внимания на мою выходку.

Но я уже не нуждался в снисхождении:

– Как я могу судить об этом? Слишком далеки мы друг от друга.

– Слишком далеки?... – внезапно остыл-устал Он. – Если ты и я слишком далеки, то все было напрасно.

Внешне Он тоже переменился. Вместо могучего мужчины предо мной стоял вполне иконописный персонаж: премудрый старец, скромно опирающийся на посох.

– Ну чего ты ждешь от меня? – с нежданной сварливостью проговорил Он. – Ищи внутри себя. И поспеши: близится день. Слишком ясный, чтобы быть хорошим.

На этом «поспеши» я и проснулся. Было действительно поздно. Не имея ни малейшего представления о том, в котором часу принято завтракать в замке, я все же подозревал, что несколько проспал. Впрочем, я утешал себя тем, что гостепримные хозяйки все же простят меня и не оставят без утреннего куса хлеба насущного.

К завтраку герцогиня не вышла. Принцесса Миднайт, занимавшая в отсутствие хозяйки замки первое место за столом, холодно сообщила нам, что леди Джейн находится во Храме.

– Ее светлость, – смиренно добавила она, – может позволить себе сегодня воспарить над жизнью. Я же лишена подобного счастья.

– Разве ее светлость не будет лично присутствовать в суде? – тут же обеспокоенно откликнулся сэра Генри. Как ни странно, наступившее утро подарило ему и новые надежды, и новые страхи.

При слове «суд» я невольно взглянул на Мартина, сидевшего между Фредой, женой его брата, и Гордоном. Его живое несколько бледное лицо светилось, нет, не спокойствием, а особым умиротворением, каковое иконописцы наши приписывают древним святым. Он ответил мне кротким взглядом, словно призывая поучаствовать в его осуждении.

– Разумеется будет, – с едва уловимым раздражением возразила леди Энн. – Но сейчас Храм требует общения с ней.

Что до меня, то я весьма сомневался, что герцогиня в сей утренний час действительно парит над жизнью. Кажется, я начинал чувствовать оттенки...

– Сэр Питер, – точенное лицо юной принцессы повернулось ко мне, и я поразился перемене, произошедшей в нем всего за полночи. Вчерашней мягкости, почти наивно-детской, не осталось и следа. Оно ожесточилось и обрело то выражение, какое бывает у человека, принявшего трудный выбор и внутренне смирившегося со всеми возможными его последствиями.

– Ее светлость хотела бы видеть вас во Храме сразу же после завтрака.

Ее глаза, ко мне обращенные были ясны, как день, но почему, о Всевидящий, в ее спокойном безмятежном голосе мне почудилось злорадное торжество? И вот опять!..

– Я слышала, вы желали лучше узнать обычаи наши, – продолжала юная принцесса, – вот вам исключительный случай: сама государыня будет вашим наставником.

«Я только одного боюсь,» – вдруг почти явственно услышал я голос принца Кларенса, – «что ты впадешь в особую милость у герцогини».

«Что ж в том плохого?» – спросил я тогда у него.

«Слишком далеко до земли», – хладнокровно объяснил мой друг. – «Будет больно падать».

Взгляды присутствующих немедленно обратились ко мне: просящий сэра Генри, озабоченный старшего Кеплена, сочувствующий мисс Пиил, иронический Стентона и одинаково взволнованные Гордона и его юной жены Бетти. Лишь Фреда Кеплен неторопливо жевала что-то, уставившись в пространство перед собой.

– Сэр Питер, – выпалила Бетти, – я хотела просить вас...

– Помолчи, Бетти, – грубо перебил ее Гордон, искоса глядя на леди Энн.

– Нет, я скажу, Гордон, – запальчиво возразила юная миссис Уайтхауз. – Сэр Питер, примите исповедь у Мартина. Из всех нас только вы имеете право это сделать.

Отступать было некуда: сэра Питер Крэг, каковым полагали меня все непосвященные, действительно был командором Ордена Преображения. В рыцари меня посвящал сам великий магистр Ордена Преображения преподобный Джон Фишер, старый соратник отца нынешней королевы, единственный, с кем король Харри обращался запросто, без протокольных церемоний.

– Вы действительно хотите этого, мистер Кеплен?

Молодой человек молча кивнул мне.

– Для этого потребуются разрешения герцогини Найт, – поспешила напомнить о себе леди Энн.

Несколько мгновений мы смотрели друг другу прямо в глаза, а затем я ответил со всей возможной церемонной вежливостью:

– Надеюсь, ее светлость не откажет мне в такой милости.

5

У дверей Храма меня встретили двое мужчин в балахонах, напоминающих монашеские одежды. Но я знал, что это просто служители, поддерживающие порядок во внутреннем убранстве Храма. Священников, в нашем понимании, во храме не было вообще. Каждый верующий или ищущий веры мог войти во Храм и возвать к Ночи. Она не нуждалась в посредниках-переводчиках. И когда воспитанная в Ночи королева Мария закрывала монастыри и удаляла из церквей священников, это не было преследованием нашей веры, как до сих пор думают многие. Она искренне полагала, что Свету, как и Ночи не требуется сословие профессиональных посредников, тем более что многие из них были изрядно учены в различных науках и могли найти себе иное, по мнению королевы, более достойное применение.

На первый взгляд внутреннее убранство Храма Ночи не слишком отличалось от наших соборов. Но только на самый первый поверхностный взгляд. Разница, причем принципиальная, ощущалась по мере погружения в глубины Храма. Все строгое великолепие убранства, которое в наших церквях было лишь человеческим искусством, стремящимся приобщиться к славе Божьей, здесь жило собственной жизнью. И невольно возникало чувство, что Храм – это живое существо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.